

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНИЙ
НОВОСИБИРСК

г. Новосибирск

от 1 3 ЯНВ 1979
Газета №

зак. 1120

на сцене — молодежь

НОВАЯ СКАЗКА

Мне особенно приятно писать о сегодняшних успехах молодой балерины Татьяны Кладничкиной еще и потому, что привелось наблюдать ее первые шаги в балете, когда она еще была ученицей Новосибирского хореографического училища. Ей многие пророчили успех, уже тогда появлялись заметки и фотографии в газетах. У ученицы Кладничкиной были несомненные достоинства: прекрасные природные данные, природный артистизм. Она, конечно, могла добиться успеха на сцене, но, впрочем, в истории хореографии многие начинающие танцовщицы, радовавшие поначалу, терялись, уходили на второй план, не оправдывали возложенных на них надежд.

Но такой вариант вряд ли мог стать судьбой Татьяны Кладничкиной. В ее актерской биографии были и неудачи, но она умела побеждать свой неуспех силой воли, стремлением к новым высотам, жаждой победы.

Татьяна Кладничкина не боится борьбы, повседневной и изматывающей борьбы с самой собой и собственными слабостями. Она остроумно использовала все свои актерские и танцевальные возможности в «Кармен-сюите», словно перед карнавалом перебирая маски и наряды, решая, какой же быть ее героине сегодня: скрыться под флером романтических представлений о Кармен или разыграть современно контрастную драму жестокости и эгоизма; отдать Кармен свою юность и предстать, какой была цыганка со своей первой любовью. Но замысел балерины не удался вполне, так как дерзость его соединилась с робостью и неопытностью балерины, впервые получившей большую роль.

Многие говорили, что Кармен — роль не для Кладничкиной, что лучше всего она смотрелась бы в классических балетах. Насчет классики не спорю, и в «Пахите» и в «Щелкунчике» она прекрасна, традиционная «пачка» идет ей, пожалуй больше современного одеяния Кармен. Но дело в том, что и в пачке Кладничкина остается в чуждом нашей современнице: размах чувств, ощущение жизни, понимание конфликта и способ разрешения его — все продиктовано характером и взглядом на мир Татьяны Кладничкиной, живущей в наши семидесятые.

В классике Петипа стремление дышать полной грудью, видеть мир вокруг себя в ослепительном сиянии красок и быть счастливой — вполне в рамках замысла хореографа, и позволяет Кладничкиной царить на сцене самозабвенно и упоенно. Кладничкина ведет танец, она раскрывает его через себя и себя раскрывает в нем — радостно и непринужденно.

В «Щелкунчике» (в той редакции, которая идет на сцене Новосибирского театра) Маше Татьяны Кладничкиной тесновато. Она уже, казалось, вырвалась в другой мир чувств, сильных и незнакомых, в мир, где собственной состоятельностью нужно доказывать право на счастье, в мир любви, дающий крылья, но и отнимающей безнадёжность, как вдруг все заканчивается пробуждением от поцелуя старой доброй, такой обыденной няни.

Правда, Татьяна Кладничкина прижимает куклу-Щелкунчика к груди не с умиленной нежностью, а с упрямой решимостью вернуть свой сон, вернуть ощущение полноты жизни и ветра, бьющего в лицо, и это заставляет поверить — Маша-Кладничкина добьется своего, и мы встретимся с ней в новых балетах, где вновь нас порадует крепнувший талант балерины, своеобразие подхода к роли.

А может быть, именно в этом детском «кукольном» Щелкунчике нужна такая Маша? Чтоб зрители и зрительницы, совсем юные, не воспринимали происходящее на сцене, как только красивую сказку.

В балете сказок особенно много, и сама балерина для неискушенного зрителя почти сказочный персонаж, существо волшебное и неземное. Когда Татьяна Кладничкина появляется на сцене, кажется, что оживает старая-старая сказка, где прекрасная принцесса грациозна и так же добра, как беспомощна. Но потом замечаешь, что глаза-то у этой принцессы не такие беспомощные, и сама она, не теряя ничуть изящества женственности и грации традиционной балетной принцессы, рассказывает новую сказку, продиктованную нашим временем.

С. ЗАЙЦЕВА.